

Ю.М. РЕЗНИК, С.А. СМИРНОВ

ФИЛОСОФИЯ КАК АНТРОПОЛОГИЯ НАВИГАЦИИ ЧЕЛОВЕКА. САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФА (18 июня 2019 г.). Часть 1

Аннотация: В диалоге с Ю.М. Резником С.А. Смирнов предлагает свою версию философии человека в её неклассическом виде. Неклассичность понимается им как мышление философа от первого лица об онтологических пределах и в ситуации отсутствия готовых форм, норм и правил мышления. Сама практика философствования рассматривается как опыт поиска автором собственного, незаменимого никем места в бытии-мире. Она выстраивается в поисковой парадигме в отличие от доктринальной парадигмы, довлеющей к построению окончательных объектов и конструкций мышления.

С.А. Смирнов называет свою версию философствования антропологической навигацией. Последняя предполагает выработку соответствующего инструментария, методов и средств построения личностной навигации. При этом меняется роль понятийного аппарата, который выполняет функцию не столько определений, сколько указателей и ориентиров (путь, карта пути, антропоидный картоид, горизонт, событие, точка зрения, место, антропопрактики заботы и др.).

Abstract: In dialogue with Yu. M. Reznik S. A. Smirnov presents his version of non-classical philosophy of human being. Non-classicism is understood here as philosopher's first-person thinking on ontological limits and in absence of ready-made forms, norms and rules of thinking. The practice of philosophizing itself is treated as experience of author's search for his own, unreplaceable place in being/world. It is developed in exploratory paradigm, in contrast to doctrinal one that leads to construction of final objects and constructs of thinking.

S. A. Smirnov describes his version of philosophizing as anthropological navigation. The latter involves elaboration of corresponding tools, methods and means of building up personal navigation. In such case the role of conceptual apparatus is changed: it performs the function not

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU». (Москва). E-mail: ori@iph.ras.ru.

so much of definitions as of pointers and landmarks (path, path map, anthropoid cartoid, horizon, event, point of view, place, anthropopractics of care, etc.).

Ключевые слова: философское самоопределение, антропологическая навигация, путь, место в бытии, ориентирование, событие, классический и неклассический опыт философствования, горизонт, энергийный движитель, онтологический исток, антропопрактики заботы.

Keywords: philosophical self-determination, anthropological navigation, path, place in being, orientation, event, classical and non-classical experience of philosophizing, horizon, energy mover, ontological source, anthropopractices of care.

Резник Юрий Михайлович: *Уважаемые коллеги! Мы с Сергеем Алевтиновичем продолжаем уже начатый спор. В прошлом году в журнале «Человек.RU» вышел мой очерк о его творчестве последних лет, который я озаглавил как «Антропологический манифест С.А. Смирнова (рефлексивные заметки)» [1]. К сожалению, он тогда не успел ответить на мою интерпретацию его идей, но теперь, надеюсь, у нас будет достаточно времени, чтобы «расставить все точки над i».*

Тема нашей сегодняшней беседы: «Философия как антропология навигации человека». Но мне больше нравится подзаголовок: «Самоопределение философа». В первоначальной редакции было не просто «самоопределение философа», а «самоопределение неклассического философа». Именно так позиционирует себя Сергей Алевтинович. В чем эта неклассичность — мы поймем в ходе разговора.

Центральный вопрос философских рассуждений С.А. Смирнова — поиск человеком своего места в мире. Я вспоминаю в связи с этим старую советскую частушку: «Килька плавает в томате, ей в томате хорошо, только я с какой-то стати места в жизни не нашел». Конечно, я не призываю человека уподобиться кильке из консервной банки, хотя вынужден признать, что некоторые люди напоминают мне своим поведением вареную рыбу. Они не хотят бороться за своё человеческое достоинство или отстаивать свои человеческие и гражданские права, повинувшись зачастую воле власть имущих.

К тому же я хорошо понимаю озабоченность некоторых философов тем, чтобы помочь человеку найти своё место в жизни. Их созидательную энергию использовать бы в мирных целях. Ведь многие из них сами оказались «сапожниками без сапогов» и часто бредут в полных потемках.

Но это не относится к нашему сегодняшнему гостю. У него как раз есть развернутая концепция, которую и хотелось бы сегодня обсудить. Я хотел бы Вас спросить, Сергей Алевтинович. А на какую аудиторию рассчитана Ваша философская программа — человечество вообще, людей с нечеткой мировоззренческой позицией или тех, кто подобно заблудшим овцам нуждаются в пастухе? Ведь к вареной рыбе обращаться уже бесполезно.

И еще одно. Вы пишете в своих тезисах: «... Дело в том, что антропология как раз имеет дело с чистой референцией: человек есть то, что и как он говорит о себе... Философская антропология блуждает в поисках своего предмета...». И это, на Ваш взгляд, является причиной того, что она «сваливается в чистую метафизику, дурную онтологию, в которой человека нет, а есть разговоры о его сущности, а значит не о нем самом, ответственным за своё бытие, а о тех силах, которые его детерминируют...». Как-то одно не вяжется с другим. Человек есть одновременно то, что говорит о себе сам, и то, как его детерминируют внешние силы. Поэтому я не вижу здесь разрыва между онтологией и антропологией. Ведь и в первом, и во втором случаях речь идет о бытии человека.

Антропологию, в т.ч. философскую интересует в первую очередь сам человек, а потом уже — представления о нем самих антропологов. Наполнить её человеческим содержанием — это всё равно, что стучаться в открытую дверь или говорить «масло масляное». Точно так же, как и видеть в ней «абстрактное учение о границах, принципах и пределах». Где Вы нашли метафизическую антропологию? А если и нашли, то очевидно, что среди множества других и совершенно разных антропологий. Поэтому меня Вы не убедили в необходимости построения «онтологически укорененной антропологии» или, как Вы её еще называете, метаантропологии. Но ведь у Вас имеются и другие доводы. Не правда ли?

Недавно у нас был здесь семинар, и наш основной докладчик выступал в том духе, что «моя философия сосредоточена на моем внутреннем мире». Вы помните, да?

С.А.: Григорий Львович Тульчинский?

Ю.М.: Нет, это не Григорий Львович, это другой докладчик, достаточно молодой. Но, тем не менее, это близко к тому, между прочим, что Григорий Львович исповедует в качестве своих философских взглядов. Поэтому мой вопрос я уже сформулировал: на кого и ради чего вы задумали свой проект? Пожалуйста.

С.А.: Спасибо, Юрий Михайлович. И большое спасибо за возможность выступить, поучаствовать в вашем дискуссионном клубе. Юрий Михайлович уже так много сказал про меня, что аж неудобно. Как бы я ответил? Ну, помните, как Лотман говорил о круге читателей Пушкина? Кому он писал стихи? Другим. Это потом — критикам. И потом, как у Мандельштама, — провиденциальному собеседнику. А сначала пишешь на чистом листе бумаги строчки и думаешь: а как прочтет Юрий Михайлович Резник? И как он, вообще, поймет? То есть ставишь перед собой собеседника.

В этом смысле, когда пытаешься помыслить от первого лица о собственных пределах (это, собственно, и есть философия), то желательно, чтобы нашелся такой собеседник, который тоже думает по этому поводу. Ты всегда ищешь собеседника, который готов тоже мыслить от первого лица. Поэтому круг читателей примерно такой же. А сколько их: много, мало — это уж как получится, это случай. Но самое-то главное — по поводу чего помыслить? В этом смысле формат первого вопроса, он, вроде, призвал к тому, чтобы... Ты про что? Я про то, чтобы так сказать, человек, мыслящий о человеке, перестал его определять, искать очередной раз очередную сущность.

Это одна из проблем философской антропологии, когда ее авторы пытались найти ту или иную сущность. Но уже М. Шелер назвал как минимум пять идей человека и сказал, что, извините, единой сущности нет и быть не может. Ну, а дальше весь ХХ в. шли приключения. И в этом смысле это одна крайность — попытка найти сущность, которая человека детерминирует. Но есть и другая крайность, когда мы человека начинаем буквально определять очень конкретно, исходя из эмпирического опыта, его индивидуальности и разных форм сущего и редуцировать, собственно, существование человека к тем или иным формам сущего. Но это другая крайность. Но, может быть, тогда не надо, так сказать, сводить и искать сущности человека, а надо пытаться пробовать выстраивать иной регистр вообще мысли о человеке, иной тип размышления про него?

Я не люблю слово «неклассический». Неклассический регистр означает попытку преодолеть разговоры, которые связаны с поиском ответа на кантовский вопрос: что такое человек? И что? Надо давать ему определение? Вроде бы, не про это проблема. Вроде бы, про то, что он неопределим — раз. Но это банально. Тогда что это

значит? И когда Юрий Михайлович цитирует и говорит про поиск места, то это не тривиально. Потому что поиск места ничем не детерминирован. Место твое еще не дано. Оно тебе предъявлено как задание. И на это задание ты пытаешься как-то отвечать. С первым криком ты появляешься на свет, ты имеешь право быть, как всякое живое существо. А дальше вопрос: что это означает для твоей биографии и что ты делаешь, чтобы быть, какое место ты там себе устанавливаешь? Тогда и рождается идея навигации. Здесь навигация. Потому что, когда ищешь, тогда выходишь на проблему практик антропологической навигации. Вот в этом весь пафос, основная идея. Ну, а дальше уже через вопросы и ответы я готов развернуть этот тезис.

Что же касается образовавшегося разрыва между онтологией и антропологией, то вопрос ведь заключается не просто в том, что человека надо перестать описывать как естественнонаучный объект и строить объектную онтологию. Вопрос состоит в том, что сама антропология, т.е. слово о человеке, не может быть выстроена в логике естественнонаучного залога. Этим, конечно, продолжают заниматься многие исследователи, в силу чего эта натурфилософская парадигма в науке доминирует до сих пор. Но еще раз повторяю, проблема в том, что сам этот так называемый объект сопротивляется, чему свидетельствует весь XX век. Все это было сказано о человеке еще до XX века. В итоге мы получили некий набор концептов о человеке, но ни на йоту не приблизились к его пониманию. Потому М. Шелер и признается в своем знаменитом докладе: мы многое что знаем, но мы не знаем главное — самих себя. И начался так называемый антропологический поворот в лице целого ряда блестящих авторов, пытавшихся выстроить иную, условно, неклассическую, парадигму и новую оптику мышления о человеке.

Ю.М.: Спасибо. Речь пойдёт дальше о неклассической парадигме философии вообще и философской антропологии в частности. На мой субъективный взгляд (чем больше я этим занимаюсь, тем больше убеждаюсь), никакой разницы между классикой и неклассикой, по большому счету, нет. И на место одних сущностей, которые определяют классики, приходят другие сущности, которые звучат уже иначе: ориентиры, навигация, еще как-то в Вашем духе. И я не вижу принципиальной разницы между вот этими направлениями. Просто это действительно антропология, но уже другая. То есть каждая эпоха как в философии, так и в антропологии порождает потребность в особом видении человека. Это видение уточняется, каким-то образом конкретизируется.

Я вообще сомневаюсь, что парадигма неклассической антропологии существует. Это — теоретическая конструкция тех исследователей, которые ищут оправдание своим волюнтаристским действиям. Сначала они конструируют образ «неправильной» (метафизической, детерминистской и пр.) антропологии, приписывая ей ориентацию на поиск сущностей человека, а затем предлагают свой вариант «правильной» антропологии. Вы же сами призываете нас к тому, что не надо конструировать, формировать человека или рассматривать его как объект. И тут же начинаете создавать новую антропологическую дисциплину и/или практику.

Ваша позиция, заключающаяся в том, что для человека «создавать условия для самоопределения и навигации», мало чем отличается от той, которая, как Вы считаете, занимается поиском сущностей. Просто Ваша сущность («навигация») так же множится, как и другие, и наполняется новыми терминами («реперы», предельный горизонт», «место», «путь» и пр.). И этот путь в философии ничем принципиально не отличается от других. При этом я отдаю Вам должное (проделана огромная аналитическая работа

та) и считаю, что Вы имеете полное право на такой подход, так же, как и я, имею право на его критику. В этом меня убеждает Ваша попытка разрабатывать свой подход на контрасте с другими. Достаточно того, что у Вас есть свой взгляд на человека как путника, который сам (и каждый раз заново) определяет направление своего движения (конечно, не только и не столько сам, в чем мы убедимся далее).

И мой вопрос таков: в чем заключается превосходство или в чем принципиальное отличие вашей навигационной методологии по сравнению, скажем, с экзистенциальной аналитикой М. Хайдеггера, который на многие вопросы дал уже ответы, но который в Вашей логике относится к так называемым «метафизикам». Легко поделить философов на метафизиков и не метафизиков, и дальше, отталкиваясь от чего-то — от образа «неправильной», «старой», метафизической философии, — строить свою. А может быть, всё это разделение условно? Пожалуйста, ответьте на вопрос: насколько принципиальна эта граница между классикой и неклассикой? Это же всё единое, эволюционирующее и саморазвивающееся знание.

С.А.: Смотрите, это же все-таки определенный конструкт: классика/не классика, постнеклассика и так далее. Когда автор вводит этот конструкт, то глазами этого конструкта он и начинает строить разные проекции. М.К. Мамардашвили тоже писал о классическом и неклассическом идеале рациональности, для него это было важно, чтобы развести разные ситуации философа. Когда он говорил о классической ситуации философа, он имел в виду тот самый период, когда мыслитель, философ, брал готовые формы и имел представление о готовом субъекте. И перед ним в итоге — правила для руководства ума, помните, у Декарта? Правила будешь соблюдать, как у Декарта, — значит, будешь правильно мыслить. И это принципиально классическая ситуация философа. И Мамардашвили говорит: а вот сейчас формируется неклассическая ситуация, потому что готовых форм нет. И мыслить приходится от первого лица в ситуации непредсказуемости.

И в этом смысле я бы говорил не о классической философии или неклассической, а о ситуациях и регистрах, об оптиках, в которых можно выделить, например, ситуацию, где есть готовые формы и можно их брать и использовать, а есть ситуации, где нет готовых форм или рецептов, и ты в открытом поисковом режиме вынужден отстраивать свой опыт и описывать его.

В этом плане, я с Вами согласен, хронология здесь дурная. Нет так называемого классического периода или неклассического. В разные периоды были разные способы и типы. Есть тот, который довлеет к, условно говоря, классической форме, то есть к поиску готовой формы, готовой сущности, готового знания и формулировок определенного дискурса. И тогда я выстраиваю определенную доктрину. Зигмунд Фрейд открыл психоанализ, описал его, построил доктрину, хотел, чтобы его ученики были такими же. И они от него стали уходить, естественно. Потому что К.-Г. Юнг не хотел быть вторым Фрейдом. Он пошел своим путем. Фрейд в этом смысле был тоталитарен, конечно. Как и Э. Гуссерль.

В этом смысле можно говорить о некоем доктринальном подходе, когда доминирует стремление разработать концепцию и сделать всех счастливыми учениками и последователями. А есть другой ход — принципиально поисковый, когда ты предлагаешь себе и другому собеседнику осуществить некий, так сказать, поисковый ход по поводу определения своего места, где можно использовать, в принципе, разные подходы, конвенции и доктрины. Это всё уже инструменты и не более того.

Но тут надо понимать и риски. Потому что не факт, что найдешь, не факт, что определишь, не факт, что всё у тебя будет замечательно. Потому что ты вынужден опираться на свой опыт мышления от первого лица и поиск в себе своего автора. А это, как известно, дело рискованное и за это бьют по шапке. Потому что ты тут начинаешь свой голос подавать не так, как все, и не похожий на всех.

Теперь про М. Хайдеггера. Он пережил глубокую драму. С одной стороны, он понял прямо тезис учителя Э. Гуссерля «назад к самим вещам!». То есть он воспринял феноменологию не как науку, а как метод. И он сказал: так это у греков уже было. Мы просто возвращаемся к корням, к новому началу. И надо сделать так, чтобы ты начал говорить на языке этих вещей, на языке бытия. И тогда моя философия, говорит Хайдеггер, должна говорить на языке самих вещей, должно заговорить само бытие через меня. А философ и поэт становятся этими органами бытия, через которых оно начинает говорить. Отсюда его упражнение с языком. И отсюда его драма: «дело Хайдеггера», история увлечения нацизмом и т.д.

Но, с другой стороны, он это предьявлял как единственный и правильный вариант — он не знал о других. Он диалог не строил, в собеседниках не нуждался, не слушал других. Он в этом смысле был самодостаточным. Но по факту он находился тоже в поиске. Я бы так попытался ответить. Потому что его онтологизм — это 1920-е гг., 1930-е г. — это уже другие поиски, это его концепт события. Ну, а дальше, после войны — это работы про исток художественного творения, философию техники и т.д. Это всё поисковые вещи, и они не могут быть окончательными. Вот М. Хайдеггер какой? Да он разный.

Но он рисковал. Просто потому, что само мышление о пределах и основаниях — вещь рискованная. И он испытал онтологический соблазн, он оказался дезориентирован. Он полагал, что услышал тот самый зов, голос бытия, а это был лай собак, нацистский рёв. И он поплатился за это. Это большая драма.

Кстати, другой философ, уже в России, М.М. Бахтин, также пытавшийся услышать голос Другого, в конце жизни признавался, что всё что рождалось под этим несвободным небом на этой безблагодатной земле, всё было в той или иной степени порочным. И он признавался, что он изворачивался, выгадывал, был не до конца честным. Тем самым он покаялся. Покаялся ли Хайдеггер?

Ю.М.: Не уверен, что так можно интерпретировать философскую мотивацию М. Хайдеггера. Но это Ваше право.

Теперь о Вашем методе антропологической навигации. Вы называете его методом «проторивания Пути и оснащения того, кто идет по пути, составляя навигационную карту-путеводитель». Я бы назвал такого человека, используя Вашу терминологию, «проторивателем», который в отличие от тех, кто напоминает охотника за человеком-зверем и опутывает последнего сетью категорий, указывает точки-ориентиры. Вопрос лишь в том, кому и зачем нужен такой метод — антропологу или самому человеку, прокладывающему свой путь и не подозревающему о существовании самого антрополога. И какую роль выполняет при этом антрополог: он разрабатывает метод или составляет карту-путеводитель? Но у меня складывается впечатление, что нет вообще никакого адресата у метода антропологической навигации. Это всего лишь — аналитическая конструкция. А, следовательно, нет и человека, кому изначально антрополог адресует этот метод. Человек — это так, не более чем средство для реализации его метода. «Чистая абстракция» или имя существительное.

Уточню свой вопрос. Если задача человека состоит в том, чтобы «прокладывать путь к самому себе, собственной личности», то причем тут антрополог? Он, что ли, определяет то, как дальше жить человеку и куда ему идти? Или, может быть, он «бежит впереди» человека, расставляя на его пути метки или вешки?

Конечно, я несколько искажаю предложенную Вами роль антрополога? Но ведь и Вы, Сергей Алевтинович, именно ему приписываете «работу над методом навигации», которая состоит в том, чтобы строить систему координат (точек-ориентиров). А значит есть и тот, кому предназначена эта система координат, т.е. какой-то человек. Тогда очевидно, что последнему Вы отводите роль туриста, которого умелый проводник (он же антрополог) ведет через лабиринты жизни. Так, Ваш антрополог превращается в ловца человеческих душ. И чем он лучше того, кто выстраивает систему категорий и пытается поймать в неё как сеть «убегающего зверя», т.е. человека?

Ведь в подобной ситуации классический антрополог в отличие от Вашего неклассического антрополога поступает куда более предсказуемо. Он пытается объяснить поведение человека, используя весь арсенал доступных ему методов. Ваш же неклассический антрополог или мета-антрополог фактически манипулирует поведением этого человека, предлагая ему помощь в составлении карты-путеводителя. И в этом он заведомо сильнее и опытнее обычного путника. А значит у него есть возможность повести его по ложному пути или предоставить ему псевдометки. Ведь если человек несет нравственную ответственность за свое бытие, проявляя заботу о себе или осуществляя практики заботы о бытии, то зачем ему вообще нужен поводырь, пусть даже в совершенстве владеющий методом антропологической навигации? Не для того ли, чтобы вести его в нужном (для себя) направлении, как пастух ведет своих овец?

Получается, что только он один знает то, куда идти или как найти правильное место. Вы же утверждаете, что Ваш метод «работает» в ситуации, когда у человека нет готовых ориентиров, а старые стерты или поставлены под вопрос. При этом у «человека по жизни» нет также готовой карты и ему приходится прокладывать свой путь, ориентируясь по неведомым ему меткам. Интересно, как он их определяет — интуитивным образом или полагаясь исключительно на помощь своего поводыря (антрополога)?

Мне непонятно также практическое применение метода антропологической навигации. Как можно (или возможно ли вообще) обучить человека этому методу, не навязывая ему свои представления о ценностях и нормах? И почему нужно изначально помещать человека в ситуацию онтологической дезориентации? Неужели он «по жизни» — весь такой дезориентированный лох? Или ему просто не хватает проводника, обладающего соответствующим опытом навигации?

С.А.: Что касается главного — метода антропологической навигации. Смотрите. Вот вы идете по неизвестной вам дорожке, по тропинке. Например, собрались далеко в тайгу или в Гималаи. Вам предлагают услуги шерпа, проводника. Или если вы собрались на охоту в незнакомый лес. С вами идет охотник, таежник, знающий тропы. И этот проводник вас ведет. Но заметьте. Он уже знает тропинки. Но однажды случается так, что дальше он уже не пойдет с вами в заповеданное место. Он здесь останавливается и тебе говорит — дальше ты сам. У шерпа-проводника составлена карта известной ему территории и тропинок, он знает ориентиры, приметы, опасные места. И уже выверил свой маршрут.

Но жизнь человека, единственная и неповторимая, не имеет готовой территории, а потому по ее поводу у нас нет готовой карты. Ее придется впервые составлять,

но составлять параллельно с самим опытом проживания. Поэтому я считаю, что для антропологии это был самый серьезный вызов — когда ее представители поняли, что готовой сущности человека нет и придется отказываться от определений человека и начать работать как-то по-другому. А как? что делать при этом — никто не знает, поскольку привыкли действовать в доктринальном залеге. Но все же вспомнили, что была уже давно известна практика заботы человека о самом себе, практика проделывания духовных упражнений, репертуар которых подробно описывал П. Адо, а вслед за ним М. Фуко и другие. Это отдельная тема. Так вот, в таком случае меняется и сам метод в антропологии — от описания и построения концептов о человеке мы переходим к выстраиванию человеком личной навигации собственной жизни в виде, как я это называю антропидных картоидов, сочетающих в себе качества дневника, автобиографии, бортового журнала, рефлексивных записок и проч. И здесь фигурой проводника становится уже не шерп, а Сталкер, который так же, как и сам человек, не знает, как ответит Зона (то есть Жизнь) на его действия. И он не учит, не показывает, как можно и нужно мыслить и действовать в Зоне, в неизвестности, в поисковом залеге, но предлагает попробовать, совершить пробное действие. Человек, конечно, по привычке продолжает просить рецепт, продолжает хотеть получать готовые определения и доктрины, просит дать ему готовые решения. Вместо этого Сталкер предлагает найти свои собственные опоры и ориентиры.

Вот Вы спросили меня про то, как этот антрополог будет обучать другого, не навязывая тому ценностей и норм? Да. Это принципиально. Норму и ценность навязать невозможно. Ведь что такое норма? Это правило, воплощенное в живом действии, ставшее внутренним принципом самоорганизации. Просто внешне данное правило (типа «Не навреди!», «Не укради!») — это всего-навсего внешнее правило, не ставшее нормой «внутреннего» законодательства. Нормой же становится собственное поисковое действие человека, освоившего это правило. И тем самым ставшее частью этого человека, как его рука. Это то, о чем лингвисты говорят, когда язык «садится» на человека. То есть, язык становится естественной средой обитания и в нём человек пребывает, не думая, как он говорит, произносит слова. Это происходит также, как в автоматическом письме. В конце жизни Г.П. Щедровицкий признался: я когда-то понял, что мышление «село» на меня. И тут я понял изнутри, что есть мышление. Вот эта сающаяся на человека субстанция (языка, мышления, деятельности, социальности, культуры) и становится тогда его нормой, онтологически укорененным принципом жизни.

Ю.М.: В соответствии со своим методом Вы предлагаете произвести смену оптики (на мой взгляд, лучше всё-таки сказать — видения) и самого способа понятийной работы. Но отказ от прежних понятий или концептов (таких, как сущность человека, его объектность или субъектность, субстанция и пр.) не приводит автоматически к появлению новой оптики. Вряд ли смогут изменить ситуацию и новые понятия-ориентиры, в т.ч. «путь, место, горизонт, исток, энергия движения, навигация, событие, жизненное самоопределение, жизненная траектория, биография, автобиография, карта пути, карта личности, автор, антропопрактики заботы о себе, антропопрактики личностного строительства, репертуар антропопрактик и т.д.». От того, что Вы меняете их функциональное назначение и переводите из статуса определителей в статус указателей, ситуация принципиально не меняется. К тому же Вам всё же приходится оставить, хотя и переосмыслить, ряд терминов, таких, как «личность, трансцендиро-

вание, экзистенция, событие, синергия». А это значит, что Вы обновляете не весь концептуальный аппарат, а лишь его часть.

Поэтому получается, что, изменяя базовые акценты, Вы меняете логику исследования, но не меняете принципиально картину мира. Что Вы можете на это возразить?

С.А.: Ситуация человека как раз принципиально меняется. Точнее, я сказал бы так: нет ситуации как объективного положения дел, а есть самоопределение человека. Например, спросите у людей, которые находятся в какой-то определенной проблемной ситуации в одном коллективе, в одной группе — какова ситуация? И Вам будут давать самые разные ответы, в зависимости от того, кто как определяется. А потому дело заключается не просто в словах и в смене функции понятий, а опять же в методе действия. Когда я еду по дороге и вижу указатели, мне что важно? Мне важен не сам по себе указатель, а то, что он показывает — сколько, например, километров осталось до пункта назначения. Важен не сам указатель, а тот объект (точнее, цел), которая за ним стоит. Так и слова-определения. Не они нужны сами по себе, а то, куда они направляют мое мышление. Поэтому так называемые конститутивные субстанциальные определения перестают работать в режиме поиска, в практике навигации. В последней ключевую роль играют регулятивные категории, а потому так или иначе мы приходим и к смене словаря — от поисков объектов и сущностей мы переходим к *ориентированию*, ориентируемся на *горизонт*, ищем *опоры*, ищем, *отстраиваем свое место, точку*, *выстраиваем жизненную траекторию*, составляем *карту маршрута* и т. д. Вот в итоге и набегают иной словарь. То есть составляется иная рабочая, поисковая онтология.

Ю.Р.: *Концепт жизненных траекторий не является открытием последних лет. Его давно используют в психологии и антропологии, литературоведении и историографии (биографический подход, жизнеописания, дневники и пр.). Имеется также опыт и философских разработок (те же Дильтей, Бахтин и др.). Вы сами отмечаете, что таких исследовательских жанров много.*

Мои возражения состоят в следующем. Используя биографический метод, Вы не совершаете исследовательского поворота. Меня не покидает подозрение, что Вы строите свой конструктор «из того, что было» и Вам не на что опереться, кроме общеизвестных подходов. Однако я не могу не признать Ваше стремление предложить программу неклассической антропологии и включить в её содержание всё то, что выпадает из традиционных, базирующихся на субстанциализме подходов. Но пока это — всего лишь попытка. Если я не прав, то у Вас есть возможность привести собственные доводы и опровергнуть мои предположения.

С.А.: К феномену жизненной траектории придется относиться так же не объектно, не описательно. Можно, конечно, задним числом пытаться проводить лонгитюд, долгосрочный замер жизненных траекторий людей — что с ними было, что с ними стало, где учились, где работали, как строили карьеру и т. д. Такой опыт есть. Но это для социологов, работающих на массивных базах данных, для выстраивания ими определенных трендов, массовых предпочтений людей. Такой проект, например, проводился в НИУ ВШЭ, он называется «Следы школы». Там исследователи взяли группу ребят и проследили их дальнейшую биографию после школы и попытались увязать то, что было с ними в школе и после школы и то, что в итоге с ними стало, какую профессию выбрали, как строили карьеру и т. д. Но это все же о другом. В таком массивном исследовании нет людей, а есть функции, их прослеживание и

передвижение. А вообще-то жизненная траектория и личностная навигация — вещь сугубо рефлексивная, она авторская. Фактически это нечто вроде опыта автобиографирования, осознанного выстраивания и отслеживания собственной биографии, по ходу которого (здесь важно!) человек и становится собой, то есть автором собственной судьбы, он начинает понимать, кто он есть.

Что касается Дильтея и Бахтина, то они лишь заявили то, как важна автобиография в гуманитарных науках. Но Бахтин как раз осторожно относился к автобиографии, полагая, что здесь автор всегда рискует свалиться в нарциссизм. Единственным опытом самоопределения человека и поиска им своего незаменимого места он полагал исповедь. Но там мы быстро уходим из жизни в житие, а истинным житием становится жизнь в Боге, поиск личного Бога. Да и методологию ни Дильтея, ни Бахтин не предложили. Но Бахтин предложил главное — новую оптику на человека, новую онтологическую установку.

Что же касается поиска новизны в моем подходе, то посмотрите на историю философской антропологии. Не было ранее предложено никем концепта антропологической навигации и связи ее с тематикой автобиографии. Но пока это первый шаг. Там предстоит целая программа разработок и поисков. А то, что я использую наработки других авторов, в том числе и ныне живущих, и ушедших, так это нормально — «мы сидим на плечах гигантов».

А что касается собственно философии, то много ли мы знаем философских автобиографий и рефлексивного осознания их места и роли в опыте личностной навигации? Здесь Бахтин как раз прав. Либо автор в своей автобиографии быстро сваливается в мемуары, пытаясь рассказать, как было «на самом деле», тем самым превращаясь в мемуариста-летописца, а значит себя как автора он пытается просто похоронить. Либо он сваливается в описание подробностей и деталей собственной частной жизни как частного лица. Но кого интересуют детали жизни частного лица? А вот осмысление момента творения, рождения автора, явления его авторского мышления, которое происходит странным образом, и не где-нибудь в мистических пределах, а здесь, в этой земной жизни, попытка осмысления феномена рождения в человеке автора — это ведь и есть главное событие, из которого и состоит собственно философская автобиография. Здесь у нас еще пока много чего не понято и не осмыслено.

Ю.Р.: Сергей Алевтинович! Поясните, пожалуйста: что дает Вам введение термина «антропологический картоид», указывающий на свойства дневника, карты и путеводаителя по аналогии с термином «географический картоид»? Я понимаю, что для Вас — это часть личностной навигации человека. И с этим я готов отчасти согласиться. Пока же я не совсем понимаю роль антрополога в этом процессе. Вы пишете, что «антрополог, в отличие от обычного человека, занимается этим профессионально». Он подобно специалисту по выживанию выступает в качестве тренера или проводника. Вот здесь, как мне кажется, и зарыта собака. Я уже высказал ранее подозрение, что Ваш антрополог становится чем-то похожим на пастуха или гуру, у которого имеется явное преимущество перед обычными людьми и, следовательно, возможности для манипулирования. Ведь антрополог — тоже человек и «ничто человеческое ему не чуждо». Что мешает ему использовать свои знания и опыт в личных целях? Мне бы не хотелось бы попасть в руки такого антрополога.

Может быть Вам, Сергей Алевтинович, стоит ограничиться исследовательским подходом и не пытаться влиять на антропопрактики других людей? То, что каждый

человек оснащен навигационными навыками или имеет свой персональный картограф, следует рассматривать как исследовательскую перспективу, а не как предмет заботы самого антрополога. Пусть последний лучше позаботится о себе родном. Нужно исследовать механизм антропологической навигации, но не привносить в него нормативные представления самого исследователя, иначе он перестаёт быть философом (или ученым) и превращается в предводителя или вождя, мастера или наставника, «учителя жизни» или обыкновенного идеолога. Развейте, пожалуйста, мои опасения.

С.А. Что такое антропоидный картоид? Представьте себе, приехал человек в незнакомый город. Вышел из гостиницы и пошел по улице. Город он видит впервые. Взял с собой на всякий случай путеводитель для туриста. Но что он ему? Он начинает ногами и глазами постепенно изучать город и тем самым присваивать его себе. Час ходит, два, три. И вот тот путь, который он проделал, постепенно и становится его собственным городом, по поводу которого он и рисует уже свою карту. Картоид — это вырезанная на собственной территории жизни карта опыта, со своими пометками, заметками, зарубками, записками, особыми обозначениями, понятными только автору. Картоид совмещает в себе качества дневника, путеводителя, бортового журнала, протокола наблюдений. И главное в нем — я сам, рефлексия моего собственного пути. Это и есть моя автобиография. И потому антрополог — никакой не гуру, не пастух. Он никого не пасет. Он сам сильно рискует, поскольку вступает на территорию, «куда ни одна нога на ступала».

Ю.Р.: *В своих тезисах Вы пишете: «Для содержательного разворачивания практики антропологической навигации необходимо далее выстраивать концепт и репертуар антропопрактик заботы». При этом Вы ссылаетесь на опыт М. Фуко и П. Адо в разработке понятий «практик себя» и других антропопрактик заботы. Насколько это необходимо, Вам, конечно, виднее. Меня же волнует другой вопрос: можно ли сводить всё многообразие человеческих практик к практикам заботы или делать их основополагающими?*

Среди прочих практик Вы особо выделяете автопоэзис. Как известно, автопоэзис означает практику самопроизводства и самотворения. Вы пишете о нем как об опыте самопреображения человека, иллюстрируя на примере поэтического творчества. Но ведь всё в мире взаимосвязано и нет в нем такого существа, которое порождает само себя без участия внешних условий или факторов. Человек как биосоциальное существо не является обособленной частью мира. Он сам сотворен и в то же самое время творит самого себя. Он — автор своей судьбы и участник жизненной истории других людей, а также всего сущего. Думаю, что Ваше понимание базируется на представлении о том, что человек как хозяин и творец собственной судьбы должен в первую очередь заботиться о себе, а не о ближнем, а потому самое главное в антропопрактиках — это забота о себе. Именно таким, как я предполагаю, Вы видите человека и его бытие. А антрополог, похоже, должен ему в этом помогать, т.е. содействовать в поисках пути к самому себе.

Вот какой получается расклад. Человек заботится о себе, а о нем заботится антрополог. Но кто же позаботится о самом антропологе? Господь Бог или Главный антрополог страны и всего мира? Но одно мне очевидно. Таким образом формируется некая новая тоталитарная организация во главе с теми, кто самолично назначил себя антропологами и взял на себя ответственность за обеспечение других людей средствами навигации. Если Вы не согласны с такой интерпретацией, то приведите свои аргументы.

С.А.: Отвечу так. Что заставляет человека заниматься личностной навигацией? Именно практика заботы. Что заставляет человека составлять свой картоид? Практика заботы. Поскольку, однажды явившись на этот свет (вспоминаем первый наш вопрос), человек так или иначе ищет свое место в бытии, в мире. Это его базовое онтологическое самоопределение — где я? Заметим, не кто я и не зачем я, а где я? Только после этого вопроса он начинает задать себе вопрос о том, кто он. Потому что сначала нужна опора, ориентир относительно исходной точки нахождения, онтологического начала и онтологического предела. Потому что человек при рождении ведет себя как после обморока или после сна, он сначала задает себе вопрос о том, где он. Где я? Это первый вопрос после обморока. А мы же все постоянно пребываем в состоянии обморока, то есть в забытии, постоянно забываем себя, не помним себя, даже хотим забыть себя. Вот и надо бы проснуться.

Потому Фуко и призвал — мы вновь должны самих себя переначать, переосмыслить. И потому обратился к опыту стоиков, которые предлагали целый репертуар практик заботы о себе. И этот репертуар, разумеется, огромен. Я для себя выделяю четыре класса таких антропопрактик. Это практика *cogito* (рефлексивная работа по принципу Декарта, практика мышления, построения рефлексивной границы самого себя как субъекта мысли). Это практика мимезиса (подражания, воображения, игры, актерства). Это практика агона (соревнования, борьбы, поединков). Это практика автопоэзиса, то есть собственно практика преобразования, практика рождения в эмпирическом индивиде другого, автора собственной жизни, то есть, практика создания, формирования личностного начала. В рамках этих практик могут проделываться и использоваться самые разные конкретные техники и практики заботы ухода, работы с памятью, воображением, волей, вниманием, чтением, письмом, телесные практики и др., о чем подробно писали П. Адо и М. Фуко.

Но важно зафиксировать то, что сначала так или иначе происходит (проживается) момент, акт осознания человеком главного вопроса — где он в этом мире и что он в нем делает, каково его место? Это все равно происходит, даже если человек цинично отказывается публично отвечать и даже задавать этот вопрос. Но наедине с собой он все равно у себя это спросит, даже если он это делает, стиснув зубы, нехотя и вынужденно. Но он это делает.

А потому это принципиально — то, что практики заботы могут осуществляться сугубо в режиме поиска. Никакой дескрипции и никакой доктрины по поводу человека здесь быть не может. Хотя привычка свыше нам дана — многие авторы продвинутых концептов быстро скатывались в новую Доктрину и в роль нового Учителя. З. Фрейд или Э. Гуссерль это показали.

Что касается автопоэзиса, то он на первый взгляд кажется сложным и не доступным. Начинается все с простых вещей. Все дети это знают, беря чистый лист, карандаш, и начиная марать листик своими каракулями. Важно не утратить это детское отношение к себе и к миру — оно и заключается в том, чтобы на чистом листе пытаться сказать свое авторское слово, найти его, обрести его. Если же человек спешит на чистом листе сразу писать чужие цитаты и рецепты, почему-то пытаясь за ними скрыться, закрыться, то значить ему страшно. Ему страшен чистый лист. Значит, он боится признать, что он — ничто, он пуст. И никогда не станет чем-то или кем-то. Он хочет забаррикадироваться за чужими словами, чужими цитатами, рецептами по жизни. Да. Значит, его в детстве никто не любил. И своего Бога он еще не нашел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Антропологический манифест С.А. Смирнова (рефлексивные заметки) // Человек. RU. 2018. № 13. – С. 165-175.
2. Смирнов С.А. Форсайт человека: Опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015. – 660 с.
3. Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. – 438 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Reznik Yu.M. Antropologicheskii manifest S.A. Smirnova (refleksivnye zametki) // Chelovek. RU. – 2018. – № 13. – S. 165-175.
2. Smirnov S.A. Forsayt cheloveka: Opyty po neklassicheskoy filosofii cheloveka. – Novosibirsk: ZAO IPP «Ofset», 2015. – 660 s.
3. Smirnov S.A. Antropologicheskii navigator. K sobytiynoy ontologii cheloveka. – Novosibirsk: ООО «Ofset-TM», 2016. – 438 s.

Поступила в редакцию 08.07.2019 г. (№ 2344)

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-320-325

Ю.М. РЕЗНИК, Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА: РАЗГОВОР О НАСУЩНОМ (28 апреля 2019 г.)

***Аннотация:** Диалог содержит обсуждение возможности концепции построения практической философии смысла. Речь идет о круге идей, которые фокусируются вокруг смыслового содержания социально-культурного опыта, коммуникации и роли личности в смыслообразовании.*

***Abstract:** The dialogue contains discussion of possibility of building practical philosophy of meaning. It touches upon a range of ideas focused around semantic content of socio-cultural experience, communication and the role of person in formation of meaning.*

***Ключевые слова:** философия, глубокая семиотика, понимание, смысл, коммуникация, поступок.*

***Keywords:** philosophy, deep semiotics, understanding, meaning, communication, action.*

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.
Тулчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор, профессор Департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ-ВШЭ-Санкт-Петербург, профессор кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: gtul@mail.ru, gtulichinskij@hse.ru.